

A young child, possibly a boy, is sitting on a wooden fence in front of a wooden building with windows. The child is wearing a brown, textured jacket and a red and tan military-style cap with a badge. The child's hands are clasped near their face. The background shows a wooden building with several windows, some of which have white curtains. The scene is set outdoors with green grass and foliage. The entire image is framed by a decorative, ornate border in a reddish-brown color.

Фёдор Селянин

ЕГОРҮШКИНЫ СКАЗКИ

Фёдор Селянин

**ЕГОРҰШКИНЫ
СКАЗКИ**

УЧЕНИК САПОЖНИКА

Детство мое прошло в одном уральском городке, где на заре Советской власти был построен крупный медеплавильный завод, который работал на местной руде, добываемой на трех шахтах. Отец работал на руднике, а мать — на заводе.

Детство пришлось на тяжелые годы войны Родины с фашистами. С шестнадцати лет пошел работать в шахту рабочим. И в эти полуголодные годы была одна отрада — общение с матерью. Всю жизнь храню воспоминания о детстве без войны, о старых деревнях, о деревенской жизни. Больше всего запомнились вечера, когда мать рассказывала сказки. Сказки, как правило, были христианскими. И это, как позднее выяснилось, не случайно!

Когда матери исполнилось 11 лет, ее отец, а мой дед Елизар ушел на первую мировую войну, оставив свою бабушку Пелагею, четверых детей и двух старух — матерей моих родителей. Конечно, бабушка Пелагея не могла содержать такую семью, и она двух старшеньких, мою мать, Марию и мою тетку Марфу, отдала на воспитание в Бобровский женский монастырь, где мама провела 8 лет. И только в 1922 году сестер пригласила мать-игуменья и сказала: «Больше я не смогу защитить ни вашей жизни, ни вашей чести, так как власти постоянно меняются, белые и красные.» Мать-игуменья дала воспитанницам по сундучку с приданным: «Идите, сестры, в мир. Да будет Вашей охраной один Бог». К счастью, вскоре из немецкого плена сбежал дед Елизар, и сестры оказались под отцовской опекой, вышли замуж и уехали на строительство медеплавильного завода.

Монастырское воспитание, конечно же, наложило свой отпечаток на их жизнь. И, прежде всего, на рассказы и сказки. Одну из них «Ученик сапожника» мне давно хочется пересказать.

Итак, начнем.

В одном небольшом городке, который длинной улицей протянулся вдоль берега огромного пруда, до краев наполненного водой, так что летом всегда казалось: если еще хоть капля дождя упадет в пруд, то вода выйдет из берегов и затопит городишко, его главную улицу, в конце которой стояла красивая церковь. Жил в этом городе сапожник Иван Кашинин и была у него жена. Жена, как все жены уральцев, просто деготь, а не женщина, ее только на теплые компрессы использовать. Жарко было Ивану Сапожнику от жены Нины, но он терпел неделями, а в конце недели напивался до полного остервенения и шел домой с криком: «Где моя мать-телега?» И если изловит ее, то окончание известно всему околотку. Он брал жену за косы, наматывал косы на кулак, а потом долго вращал ее над головой, пока она не прошепчет: «Хватит, Ваня, я все поняла». И такую воспитательную работу Иван Сапожник вел круглый год, за исключением рождественских дней, когда он уезжал на Ирбитскую ярмарку за подарками жене и подрастающим доченькам.

Однажды Иван Сапожник возвращался с ярмарки. При подъезде к городку подвода остановилась. Прямо на дороге стояла черная Собака, зеленые глаза горели каким-то злобным светом, лошади ржали. Иван Сапожник схватил ружье и выстрелил в воздух. Черная Собака зарычала и убежала в лес. «Не к добру!» — прошептал Иван Сапожник и поехал вперед. Но возле церкви снова пришлось остановиться. У стены храма сидел совершенно голый мужик — и это в рождественские морозы! Иван Сапожник снял полушубок, накинул на плечи голого мужика и попросил его залезть на подводу.

Итак, они подъехали к дому сапожника. Лошади устали, особенно когда поднялись на теплую гору — так называлась возвышенность перед въездом в город. Почему «теплая гора»? Да лошади подходили к ней после длинного путешествия усталые и становились мокрыми, когда взбирались на этот холм — от лошадиных спин шел пар.

Иван Сапожник приглашает голого мужика войти в дом.

Жена встретила мужа вопросом: «Обувь продал, подарки купил?» К сожалению, Ивану нечем было нахвастаться. «Вместо подарка привез друга». «Как звать тебя?» — спросила жена друга сапожника. «Михаил» — ответил тот. «Ну, Иван, сами перебиваемся с хлеба на квас, а ты еще лишний рот приволок». «Ничего, жена, будем вдвоем шить сапоги, заработаем на хлеб».

Михаил скромно присел на лавку поближе к печи. В это время в избу вбежал Васятка — младший сынок Ивана и прямо с порога закричал: «Тятя, а Манька (корова Сапожника) отелилась черным теленком. Она сама ведь белая и телята раньше всегда были белые-белые».

Михаил прошептал: «Не к добру» и спросил: «А в стойло стельной коровы кто-нибудь заходил?» «Да, заходила бабка Лида». Михаил попросил листок бумаги, смял его, взял затем сковородку, положил на нее бумагу и поджег. Сковородку прислонил к печке, и горевшее пламя от свечки бросило тень на белое полотно печки и походило это пятно на гроб.

Михаил взял нож и с силой воткнул его в зловещую тень. Страшный звук раздался на улице, и мимо окна с криком пронеслось воронье. Полетели вороны в лес, на черный холмик, поросший волчьими ягодами. «Здесь собираются души умерших ведьм, — сказал Михаил. — А вы живите теперь и ничего не бойтесь».

Жена Сапожника достала щи, пироги с капустой из печи и накрыла на стол, пригласив мужа и гостя ужинать. Но в это время двери с шумом распахнулись, и в избу ввалился огромный мужик в медвежьей шубе и со свертком в руках. «Кто из вас Иван Сапожник?» — спросил мужик. Иван ответил: «Ну, я».

Вошедший протянул сверток и отдал сапожнику.

- Эта кожа крокодила. Я год ждал ее, когда привезут с берегов Нила. Товар очень дорогой. Сшей, Сапожник, ботинки, только смотри, кожу не испорти. Дорого тебе это обойдется, не перешивай, сшей, как требуется, через месяц зайду за товаром.

Сапожник тяжело вздохнул и спросил Михаила: «А ты умеешь шить?» «Научусь», — ответил тот.

Михаил взял ножницы и быстро стал вырезать куски. Сапожник закричал: «Что ты делаешь? Из этих кусков только тапочки шить, а не ботинки». «Мы и сошьем тапочки, ведь ботинки ему уже не нужны». Сапожник напугался. Но в это время в избу вошел слуга барина в медвежьей шубе. И слуга сказал: «Не надо шить ботинки, а надо сшить тапочки. Мой барин стукнулся о притолоку головой и умер».

Удивился Иван Сапожник тому, как это Михаил догадался шить именно тапочки. Только слуга барина уехал с тапочками, двери снова открылись и вошла знатная дама с двумя девочками: «Разрешите погреться, — сказала она. — Мы замерзли». «Заходите», — приветливо ответил Михаил. А дама, как увидела Михаила — побледнела, схватила девочек и прижала к себе. А Михаил вдруг за спиной развернул два крыла, белые-белые, и Сапожник понял, что это не просто голый человек, а ангел. И вот какую историю поведал ангел.

...У этой дамы младшая дочь тяжело болела, и мне поручили опуститься с неба на землю и забрать душу этой девочки. Я должен был вручить ей туфли смерти. Но когда я прилетел к ним домой, увидел плачущую мать, то пожалел и женщину, и девочку. Оставил я им туфли счастья и улетел на небо.

А за это Бог меня снова послал на землю без крыльев, без одежды, чтобы я нашел этих детей и дело довел до конца, и

чтобы дети нашли счастье. Я их сейчас увидел и понял, что девочки счастливые и здоровые, и я могу подняться в небеса. Бог милостив и простил меня.

Дама бросилась целовать Михаила, а заодно и Ивана Сапожника. И сказал ангел Ивану спасибо за обучение и что он будет ему помогать в работе.

Ангел потом не раз еще прилетал к Ивану и вместе они шили модные детские туфли и такие хорошие, что от заказчиков не было отбоя. Дела Ивана пошли в гору. Он построил большой новый дом, купил новую корову, которая телилась только белыми телятами, а ведьмы в околотке исчезли. Они ушли на черный холм и там ели волчьи ягоды и превращались в черных волков. Но волков жители не боялись. Охотники устраивали на них облавы.

* * *

Давно умерла моя мама и долгие годы я искал Бобровский монастырь, в котором воспитывалась моя мать. Как оказалось, деревни «Бобровки» давно уже нет, а на ее месте есть совхоз, находящийся в Алапаевском районе. А в монастыре размещался клуб и склад культ-принадлежностей. Я с друзьями посидел на камне у стен монастыря, поклонился этому светлomu дому, благодаря которому мама была доброй, жалеющей бедных и больных людей, отдавая им бескорыстно всю себя.

ВАНЬКА-МОКРЫЙ

Дорогой читатель, пусть тебя не смущает такое название сказки. Ванька-мокрый — это не мальчик, упавший в лужу или неожиданно попавший под сильный дождь. Ванька-мокрый — это цветок, один из многих комнатных цветов, которыми украшают подоконники своих квартир добрые хозяйки. И вот этот домашний цветок сыграл сказочную роль в жизни двух маленьких детей шахтёрского городка: мальчика Егорки и его подружки Вали.

Эта история началась в одном уральском городке, большинство жителей которого трудились на медных шахтах и медеплавильном заводе в 30-х годах, то есть еще до Великой Отечественной войны нашего народа с фашистской Германией. Отец Егорки был шахтёром, а мать — бригадиром химиков-лаборантов медьзавода. Жил Егорка в одноэтажном четырёхквартирном деревянном доме по улице Советской. Его подружка Валя жила в двухэтажном домике, тоже деревянном, по улице Парижской коммуны. Назвав так улицу, шахтёры увековечили память о французских коммунарах и рабочих, которые в марте 1871 года в Париже создали первое государство трудящихся.

Или из-за названия улицы, или по другой какой-то причине, но домик, где жила Валя, в городке все звали «коммуной». «Коммуна» — слово из латинского языка, латиняне жили в своем государстве в раннем средневековье, а «коммуна» переводится на русский язык как «общее». И для Валиного дома характерно было всё общее: длинный единый коридор, по бокам которого, как сотовые ячейки в пчелином улье, теснились маленькие комнатки, в которых жили шахтёрские семьи. Умывальная комната, кухня и даже туалет были общие, да и сам душевный настрой жителей «коммуны»

соответствовал названию. «Один за всех и все — за одного» — девиз французских мушкетёров — рыцарей, был здесь главным, и горе тому горожанину, который обидит члена «коммуны». Все жители поднимаются тогда на защиту «коммунара», а шахтёры и металлурги — люди огненной и опасной профессии, очень горячие и отважные, подстать коммунарам Парижа.

Валя подружилась с Егоркой в детском садике рудника, где работали их отцы. Это был деревянный одноэтажный домик, в котором был длинный коридор и большая раздевалка, где каждое утро Егорка встречал Валю. Каждому ребёнку был отведён шкафчик, на дверце которого нарисована какая-нибудь фигурка. У Егорки, например, ёжик, а у Вали — зайчик и связка морковки. Ребята любили свои шкафчики и там вешали свою одежду: Валя — красную кофточку и розовую вязаную шапочку, за эту одежду и прозвали ее «Красная шапочка». Но Егорка не давал ребятам подсмеиваться над Валею, и сразу махал кулачками перед носом обидчика; дети из «коммуны» все горой вставали за Валю и Егорку, считая Егора своим, раз он готов был за «коммунарку» драться. Но особенно Валя берегла и любила покрытые красным бархатом тапочки. Придя к Егорке в гости, она оставляла эти тапочки около дверей Егоркиной комнаты, говоря, что «в следующий раз, когда приду к тебе в гости, тапочки будут ждать меня».

Осенью детский сад стали ремонтировать к зиме, а ребяташек воспитатели вывели во двор погулять. Одни стали играть в песочнице, строили из песка городки, а другие играть в мяч. Егорка и Валя сидели на скамейке в маленькой голубой беседке, их разморило, и они задремали. Вдруг какой-то шум разбудил Егорку, — он открыл глаза и видит: над детсадом летит аэростат, но не обычный, а из хрустального стекла. В салоне аэростата гуляли люди; тёти и дяди смеялись и махали руками Егорке и Вале. Егорка побежал и кричал Ольге Ивановне: «Я видел хрустальный самолёт!» Воспитательница сказала ребятам, кричавшим, что таких самолётов не бывает: «Егорка и Валя, наверное, спали, и им приснилось это чудо». В ответ Валя смело вышла вперёд

Егорка хотел всем сердцем помочь своей подруге и решил пойти к Вале с подарком. Он взял из дома цветок в горшке под названием Ванька-мокрый и пришёл к Вале, которая лежала в кроватке и, увидев его, сразу встрепенулась как птичка, отряхивая пыль. И причиной тому удивительные листья Ваньки-мокрого, похожие на берёзовый лист, такие же светло-зелёные, да и рисунки похожие на листочках. Но настоящее чудо — это цветочки Ваньки-мокрого, они напоминают бабочки, только два крыла их как бы сложены вместе, а третья бабочка — отдельно. Когда Валя открыла глаза, она увидела как бы стаю лёгкокрылых, разноцветных бабочек, которая опустилась на цветы и отдыхает. «Ой, сколько бабочек, красивых, и розовых, и тёмно-фиолетовых, и голубых», — сказала Валя. Слово сказочное лекарство подействовало на девочку, и она закричала: «Бабушка, бабушка, я хочу есть!» Радостные бабушка и мама Вали бросились целовать девочку, а Егор — красный от волнения, чмокнул ее в щечку и сказал: «Валя, я завтра иду в детский садик — тебя вылечил Ванька-мокрый.» А потом полил водой цветочек. Уходя, он забрал тапочки, чтобы поставить их на привычное место — у двери своей комнаты.

и сказала гордо: «Егорка — честный мальчик и врать не будет, а аэростат этот я тоже видела, когда он уже улетал», — и глубоко вздохнула. Егорка с этой минуты полюбил Валу ещё больше, и каждый день с утра ждал её прихода в детсад. Однажды Валя не пришла, и Егорка спросил Ольгу Ивановну:

«А почему нет Вали?» Воспитательница ответила, что она празднует день рождения. Егор помчался домой за подарком, ведь на день рождения всегда что-нибудь дарят. Егорке два года назад друг отца — дядя Ваня Репьёв перед уходом в армию подарил железный танк с заводным механизмом, так что если попадается на пути препятствие, то танк преодолевает его. Егорка гордился танком, и всё же решил подарить его Вале. Он пошёл к ней, в комнату «коммуналки», там уже было много детишек с букетами цветов в руках: белые красивые гладиолусы, красные розы, нежные ландыши, а у Егорки в руках — танк. Он извинился перед Валею за свой мальчишеский подарок: «А цветы, Валя, я тебе подарю самые хорошие, каких никто не дарил», и, смущённый, ушёл домой, хотя Валя и просила его остаться и поесть торт с мороженым.

Однажды, придя домой, Егорка не увидел красные бархатные тапочки Вали у двери и закричал: «Мама, где тапочки Вали, если она придёт, то что я скажу ей?» Мама тихо отвечала: «Успокойся, сынок, Валя долго не придёт», — и вздохнула так тяжело, что Егорка вздрогнул. «Почему, мама?» — спросил он. Мама рассказала, что в день рождения Валя часто выбегала на улицу и простыла. Егорка побежал к Валиному дому и увидел, что её держит на руках бабка Пелагея. Валя шепнула Егорке: «Не беспокойся, Егорка, я выздоровею, бабушка понесла меня в баню. Но ни Егорка, ни Валя, ни бабушка Пелагея не знали, что при такой болезни, как коклюш, нельзя греть больного ребёнка, а, наоборот, больше дышать свежим воздухом, лучше морозным. Бабка же Пелагея всю жизнь прожила в деревне, а там все болезни лечат либо баней, либо горячим чаем. После бани Валу принесли с распухшим лицом и руками, ей становилось всё хуже и хуже.

Через несколько дней Валя с Егоркой сидели вместе в комнате, мальчик играл танком. Егорка очень хотел стать танкистом и признался в этом подружке, а та горячо поддержала его: «Ты, Егор, будешь танкистом». И Валяно пророчество сбылось. Через несколько лет началась война с фашистами, и Егор ушёл на фронт воевать. Он вёл танки в бой, а Валя дома ждала друга и всё заводила и заводила механизм зелёного игрушечного танка, словно и она шла в атаку на врага.

Окончилась война, и Егор вернулся домой живым и невредимым, и пошёл работать на шахту — на огромном горном экскаваторе, добывая большую руду. И всё вспоминал, как однажды в бою у них кончились снаряды, немцы наступали, и командир танка сказал: «Вот закончится война, пойду работать на металлургический завод, чтобы у солдат всегда были снаряды, когда они воюют за Родину». Егор же ответил: «А я — в шахту, потому что без руды не выплавить металла». Поэтому и выучился Егорка на инженера-горняка. С Валею они поженились и зажили дружной семьёй.

ЕГОРКА И ТРОЕ МЫШАТ

Это было в суровые годы войны нашей страны с фашистскими захватчиками. В небольшом уральском городке жил десятилетний мальчик Егорка. Учился он в третьем классе. Школу окружали деревья — эту часть города жители именовали зеленой зоной.

Отец с матерью занимали большую комнату, а Егорке для житья досталась кухня. Здесь был стол, за которым он готовился к урокам. Половину кухни занимала вместительная русская печь, под печкой большая впадина, которая закрывалась железной заслонкой. Егорка по вечерам убирал заслонку, и тогда из-под печки на кухню выбегало целое семейство мышат во главе со старой матерью. Мама-мышь обычно укладывалась посередине кухни, а мышата окружали ее с боков. Никто не тревожил их, наоборот, Егорка частенько бросал зверушкам хлебные крошки. Правда, хлеба в доме было мало. Егорка получал детскую продуктовую карточку — триста граммов хлеба в день. Бабушке Пелагее, как иждивенке, давали всего 250 граммов. Егорке было обидно за бабушку: она проработала всю жизнь, а под старость ее паек был даже меньше Егоркиного. Обидным казалось и само слово иждивенка. Так называли тех, кто уже не мог работать на шахте или на руднике. Егорка частенько отделял бабушке кусочек от своего пайка. Ему в школе, в большую перемену, как и другим ученикам, выдавали пятьдесят граммов хлеба. Егорка нес его домой, отдавал бабушке, оставляя себе малюсенький кусочек. Нет, не себе, он берег его для мышей. А еще он стерег их от кота Писарки.

Мышата были с разными характерами, они напоминали ему ребят, с которыми он играл на улице. Поэтому Егорка

и дал мышатам имена, похожие на того или иного соседского мальчишку.

Вот, к примеру, Витька Чибирев. Белобрысый пацан одних лет с Егоркой. Он всегда любил задираться. Но если победа была не за ним, он поднимал рев и тогда из дома на подмогу выскакивали трое его старших братьев. Поэтому самого бойкого задиристого мышонка Егорка стал звать Чибириком.

В соседнем доме жил Шурка Никонов, сын начальника шахты. В войну все голодали, ребятам еда даже снилась во сне, а Шурка любил вываливаться из дома с большим куском хлеба, толсто намазанным маслом и на глазах у голодных ребят с аппетитом уплетать горбушку. Вот и один мышонок тоже, когда Егорка кидал кусочки хлеба, стремительно хватал самый большой, отбегал в сторону, играючи брал его в рот, потом кидал на пол и на глазах у тех мышат, которым не досталось и крошки, медленно поедал его. Конечно же, он стал Шуркой.

Во дворе Егоркиного дома жил высокий худенький мальчишка, который любил кутаться в теткины шарфы, мамины шали, часто болел. Прозвище у него было — Кузя, маменькин сынок. Стоило кому-нибудь даже нечаянно ткнуть его в спину, как он начинал долго и пискляво плакать, пока на крыльцо не выходила его мать. Так еще один мышонок получил имя — Кузя.

Однажды вечером, когда Егорка, как обычно, готовился к урокам, а мыши затеяли веселый хоровод, кот Писарка вдруг выскочил из-под одеяла и бросился на мышат.

Своей сильной лапой кот схватил сразу трех мышат — Чибирика, Кузю и Шурку. Но Егорка моментально сгреб кота за загривок и снова засунул под одеяло.

Старая мышь встала на задние лапки и сказала:

— Ты хороший мальчик, Егорка, у тебя доброе сердце, ты спас от смерти трех моих детей. Знай: когда-нибудь они отблагодарят тебя, а подлеца-кота мы, мыши, накажем за его зверство.

И, действительно, в жизни Егорки вскоре произошли странные и удивительные истории.

СЛУЧАЙ ПЕРВЫЙ

В конце мая семья Егорки, как обычно, садила картошку, мать с отцом были страшно заняты, и Егорке было поручено идти в магазин за хлебом. Егорка взял хлебные карточки своей семьи и еще карточки тети Симы и ее дочурки Алёны. Он бережно засунул их в карман стареньких штанов.

Стояло раннее-раннее утро, даже солнышко еще не проснулось. Хлеба привозили много, но его все равно не хватало, и возле магазина уже выстроилась очередь. Егорка оказался в числе первых. Наконец, пришла продавец и стала выкладывать на полки свежие булки. От хлеба так ароматно пахло, что у Егорки даже закружилась голова. Вскоре подошла его очередь.

Егорка сунул руку в карман, и мороз пробежал по коже: карточек в кармане не оказалось, а рука — вся рука — провалилась в большую дыру, в которую, видимо, и выпали драгоценные карточки. Не помня себя, Егорка выскочил из очереди и заплакал. Женщины окружили его, стали спрашивать, что случилось.

- Карточки потерял, — всхлипывая, пробормотал Егорка и заревел уже во весь голос. Ведь дома ждут его с хлебом, а что он скажет матери, отцу, бабушке, тете Симе? Всем придется голодать полмесяца из-за этой проклятой дыры в кармане.

Вдруг Егорка почувствовал, что кто-то щекочет пальцы правой ноги. Ботинок давно прохудился, и вот в эту щелочку просунулась чья-то лапка. Егорка нагнулся, а это, оказывается, Чибиренок! Он перебирал лапками, а в зубах держал какие-то бумажки. Егорка взял Чибиренка на руки и увидел свои хлебные карточки, перевязанные ниточкой в одну тоненькую стопку. Радости не было конца. Он и не помнит, как ему взвесили хлеба, как бежал он со всех ног домой, прижимая к груди три буханки хлеба.

Не забыл он только о мышонке, который трепыхался у него в кармане. Ласково поглаживая по шерстке, Егорка засунул его под печку, одарив лакомством.

СЛУЧАЙ ВТОРОЙ

Это случилось зимой. Егорка шел в школу. Теперь у него была другая школа. Старую, в зеленой зоне, отдали под госпиталь, для раненых бойцов. Там работала мать Егорки, по вечерам она рассказывала ему, как калечит людей эта страшная война.

Егорка шел не спеша. Увидит на дороге твердый комочек снега и сразу представит себе, что это футбольный мяч. Удар, еще удар! Дорога уходит круто вниз, снежный мяч летит далеко и Егорка за ним вприпрыжку.

Около магазина Егорка увидел на обочине, на снежном бугорке мышонка Кузю. Тот отчаянно махал лапками и, кажется, что-то пищал, хотя разве услышишь на улице тоненький мышинный писк? Егорке стало любопытно — для чего это надо было выскакивать Кузе из теплой кухни, да еще зимой? Егорка свернул с дороги, взял мышонка на руки и тот как-то сразу успокоился.

- Ты что здесь, дуралей, делаешь? — ласково спросил Егорушка.

И в этот миг мимо них с огромной скоростью пронесся старенький грузовик. Егорка едва успел заметить в окне кабины испуганное лицо шофера, дяди Коли.

Вечером дядя Коля зашел к ним домой.

- Ну, Егорка, знать под счастливой звездой ты родился, — крикнул он прямо с порога и рассказал родителям:

- Машина у меня латаная-перелатаная, ей давно место на свалке, да разве сейчас получишь новую — они нужны фронту. И вот спускаюсь я сегодня с крутой горы, вдруг чувствую — отказали тормоза. А впереди на дороге мальчишка, я уж потом разглядел что это Егорка. Нажимаю на сигнал — не работает. Кругом дома, деревья — в сторону не свернешь. И только я собрался крутануть руль влево — будь что будет, лучше самому расшибиться, а мальчонка отбежал в сторону. Словно кто-то надоумил его в самую последнюю секунду. Не иначе как ангел-хранитель.

Егорка не стал рассказывать, кто стал его спасителем. Все равно не поверят — все взрослые как Фомы неверующие.

А вот вечером, укладываясь спать, отдал Кузе половину школьного пайка.

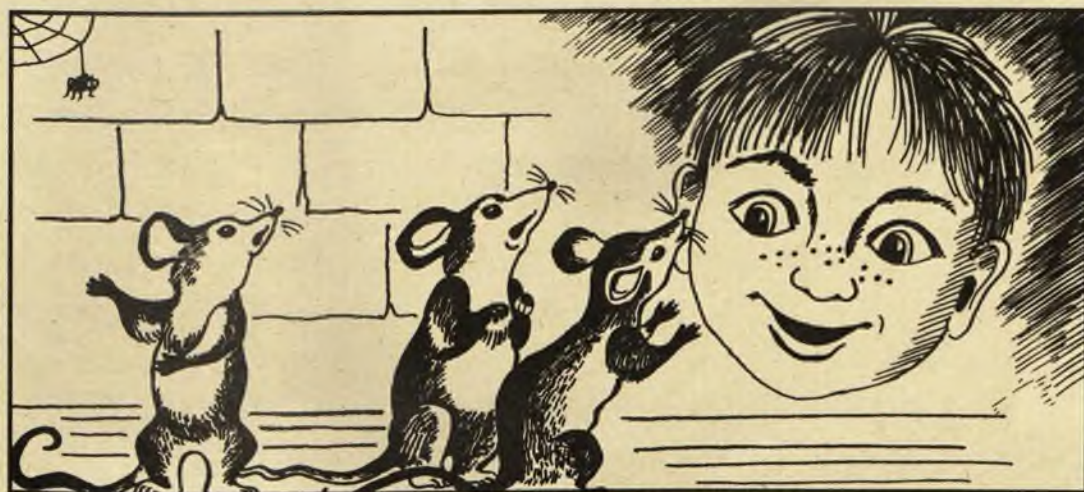
СЛУЧАЙ ТРЕТИЙ

Однажды вечером, когда отец работал на шахте, а мать в Доме обороны, где жены шахтеров шили белье, гимнастерки, фуфайки для солдат, Егорушка остался дома один. Окна в большой комнате, где он учил уроки, были наглухо зашторены — весь город был затемнен. Население опасалось, что на Урал могут прорваться вражеские самолеты — ведь именно Урал снабжал Советскую армию танками, снарядами, ракетными установками, которые все ласково называли «Катюшами».

На кухне стоял бачок, полный горячей воды — вечером у мамы большая стирка. Кипятильник был самодельный: две железные пластинки, между ними деревянные брусочки и, конечно, провода. Вода быстро закипела в этот вечер, а мать все не шла и не шла.

Задачка по арифметике досталась трудная, и Егорка даже высунул язык от усердия, решая ее. Вдруг он увидел, что по комнате бегают мышонки. Егорка узнал его — Шурка! Шурка то подбежит к Егорке, то сразу отбегаает к кухне, словно зовет его.

Егорка из любопытства пошел за мышонком. Открыл дверь кухни и ахнул: розетка пылала огнем, языки пламени уже переметнулись на стену, загорелись старые сухие обои. Егорка выдернул провода из розетки и стал руками обрывать обои.

Ладони вмиг обгорели, но Егорка словно не чувствовал боли. Огонь поднимался все выше и Егорка понял, что не справится с пожаром.

Он вбежал в большую комнату, схватил телефонную трубку и стал звонить в Дом обороны. Ответила незнакомая тетя.

— Я Егорка! Скажите моей маме, что я горю!

Вскоре в квартиру ворвались пожарные, а за ними мама.

— Егорушка, милый, живой!

Мать схватила сынишку на руки, и они поехали в ближайшую поликлинику. У Егорки на ладонях вздулись большие пузыри. Старый фельдшер большими ножницами разрезал их и, промолвив одно слово «Терпи», сунул руки в тазик с марганцевой водой. И хотя руки страшно щипало, Егорка не плакал, он знал, и мама про это часто рассказывала — солдатам на фронте бывает куда больнее. Две недели Егорка ходил в школу с забинтованными руками.

Осталось рассказать совсем немного — как мыши отомстили коту. Во дворе дома росли большие деревья. Писарка любил залезть на березу, на самую толстую ветку и лениво дремать на ней. Ветер слегка раскачивал ветку, к удовольствию Писарки. Однажды, как обычно, кот дремал, а на соседнее дерево опустилась стая воробьев.

Сна как не бывало! Писарка приготовился к прыжку. И в это время на крыльцо выскочили мышата. И когда Писарка взлетел с березы, мышата запищали, что было сил. Воробьи с шумом взлетели, а Писарка от этого внезапного шума и писка не рассчитал прыжка и тяжело шмякнулся о землю. Долгое время он ходил вихляя, все больше боком. Особенно туго приходилось ему, когда надо было спастись от соседской овчарки. Заскочит на забор, а задние лапы не держат, соскальзывают. Хорошо еще, что забор высокий, не достают острые собачьи зубы до пушистого хвоста.

СКАЗКА О ПРИНЦЕ БЕРЕЗОВОЙ РОЩИ

Северо-западный ветер дул и дул по поверхности озера, как старый дед в блюдце горячего чая, дул порывисто и осторожно. Волны мягкой рябью бежали к пологому берегу, от которого начиналась березовая роща. Вначале росли молодые тонкоствольные деревца, а дальше к югу поднимались большие березы, среди которых выделялась одна огромная, которой можно было дать лет 200, если не более.

Это была королева рощи. Особенно она отличалась тем, что на середине её высокого ствола рос гриб-березовик, по форме похожий на человечка. На голове березовика красовалась настоящая берестяная шляпа, а сбоку висела маленькая шпага.

Это был сын березы-королевы, законный Принц березовой рощи. Иногда Принц спускался по стволу на землю, обходил рощу и шел к берегу, любуясь игрой волн.

Однажды осенним утром он подошел к озеру и увидел стаю белоснежных чаек, которые кружились над озером, а затем опустились на водную гладь. Покачались на волнах, и стая взмыла вверх, собираясь лететь на юг.

Только одна молодая розовая чайка не смогла взлететь: одно крыло у неё было перебито и бессильно повисло. К чайке подлетела её мать — вожак стаи — и сказала: «Собирайся, дочка, с силами, а мы полетим и будем тебя ждать вон за той горой. Догоняй нас!»

Молодая птица заплакала и закричала: «Мама, мне страшно оставаться одной, да и зимы здесь очень суровые».

Этот стон и плач услышал березовик. Он подошел к берегу

и спросил: «Госпожа Чайка, какой злодей обидел тебя? Пусть он будет великан и страшилище, я не боюсь его и отомщу за тебя».

Чайка отвечала грустно: «Сейчас нам опасны не великаны-злодеи, а мальчишки. Они с палками и камнями приходят в рощу. Палками они могут перебить крыло птице, а камнями раздавить лягушку или убить ящерицу».

Принц успокоил бедняжку: «Я усилю охрану рощи» — и грозно потряс своей маленькой шпагой.

Чайка попросила Принца помочь залечить перебитое крыло. Принц отправился к березе-матери: «Матушка королева, помоги вылечить раненое крыло чайки».

Береза отвечала сыну: «Ваше высочество, иди вон к той старенькой березе и возьми у неё баночку с березовым соком. Это мертвый сок. Помой им крыло чайки, и оно срастется, а затем у молодой березы такую же баночку с соком. Это живой сок. Полей на крыло чайки и она полетит».

Принц всё сделал, как сказала мать. Вскоре чайка взвилась над озером и из-под небес поблагодарила принца за помощь: «Ваше высочество, я улетаю догонять стаю, благодарю Вас и Вашу матушку. Ждите меня следующей весной. Мне жаль расставаться, но без расставаний не поймешь прелести настоящей любви, а я люблю Вас, мой милый Принц».

Улетела чайка, а Принц пошел к березе-матери и быстро поднялся на свое обычное место.

Мать густыми ветками обняла сына, и Принц скоро успокоился. Материнская ласка — надежный щит от всяких невзгод.

Но предстоящая зима казалась Принцу очень затяжной. Он ждал свою чайку. И она прилетела весной со своей стаей. Принц и чайка были счастливы и очень рады встрече.

Чайка заметила, что Принц опечален и попросила его рассказать о том, что его мучает. Оказалось, что гриб-березовик переживает за свою мать. За последнюю зиму она очень изменилась: ствол стал холодным, ветви редкими, рано начали желтеть, а лист осыпался.

Принц попросил: «Госпожа чайка, как бы узнать, что с мамой случилось, чем она больна?».

Чайка отвечала: «Не печальтесь, Ваше высочество, вот видите огромный муравейник, в нем сотни лекарей — санитаров леса, а царь муравейника нам поможет».

Чайка подлетела к муравейнику и вызвала Царя муравьев. Когда появился огромный муравей, она попросила его узнать, чем больна береза. Царь вызвал лекарей-муравьев, которые вскоре доложили ему, что в стволе поселился страшный червяк-Трухляк. Он грызет дерево изнутри и опилками засыпает каналы, по которым течет березовый сок.

Царь приказал, чтобы муравьи выгнали его из березы. Вскоре на землю из больной березы выпал огромный белый, жирный червяк с массивными челюстями, начиненными мощными острыми зубами.

Чайка подлетела к червяку и, схватив его своим клювом, бросила на вершину муравейника, и сотни муравьев атаковали злодея, стали поливать его муравьиной кислотой. Червяк извивался, то сворачивался пружиной, то вытягивался в струну, но бесполезно. Чем больше он вертелся, тем глубже опускался внутрь муравейника, пока, наконец, совсем не исчез из вида, чтобы стать пищей на зиму муравьям.

Береза с того времени пошла на поправку. Ветви её загустились, зазеленели, сок побежал во все отдаленные листочки.

Принц снова почувствовал тепло ствола матери.

Так чайка отблагодарила мать-березу за свое выздоровление.

Принц предложил чайке свое сердце и попросил у матери-чайки руки её дочери. Мать чайки согласилась, но сказала:

«Это дело самой невесты. Вы мне нравитесь, Ваше высочество. Вы такой храбрый и добрый, но нам предстоит

опять лететь на юг. Вам придется ждать следующей весны».

Принц отвечал: «Я готов ждать сколько угодно, ведь без ожиданий не найти прелести любви. А я люблю Вашу дочь и готов ждать».

И он ждал всю холодную зиму прихода весеннего тепла и прилета невесты. И вот, наконец, дождался!

Принц с берега приветствовал чайку. Молодая розовая чайка подплыла к берегу, вспорхнула и села принцу на плечо. Принц обнял и поцеловал любимую. Но чайка не проявила большой радости, и в глазах ее Принц заметил какую-то грусть. Он спросил: «Что с тобой случилось, от чего взгляд грустный?»

Чайка чистосердечно призналась, что на берегу одного из южных морей к ним прилетела неведомая птица. Её поразила красочный наряд: красный костюм из перьев, на голове красная шапочка, а клюв большой и белый-белый, а, главное, эта птица знает много иностранных языков: она говорит на языках, которыми владеют люди, на языках домашних птиц и животных и даже с дикими зверями может разговаривать. И зовут эту птицу Попугай.

Чайка влюбилась в Попугая и теперь не знает, что ей делать. И тогда березовик сказал ей: «Ну что ж, люби этого цветастого болтуна, а меня забудь, я снова стану березовиком и не буду никогда в человеческом образе. Человек — это великое явление природы и, главное, он умеет любить сердцем и не может жить без любви. Человек без любви — это дым, туман, облако. Я буду ждать, когда у тебя вернется ко мне любовь. Прощай милая чайка, я ухожу на свое место», — он поднялся по стволу березы.

Мать сразу почувствовала, что с сыном случилось что-то неладное и, когда услышала о Попугае, сказала: «Не печалься, за любовь нужно бороться, и без борьбы она не полноценна».

Принц потряс своей шпагой: «Я бы выдрал у него все перья, но как я доберусь до берега южного моря?»

Мать ответила: «Не печалься, сынок. Я тебя превращу в березовый листок, и ты с чайкой долетишь туда, а там станешь опять человеком и дашь бой Попугаю».

Как сказано, так и сделано.

Принц улетел со стаей чаек на юг и там вступил в бой с Попугаем. Попугай при первом же уколе шпагой упал на спину и взмолился: «Оставь меня в покое, у меня жена и маленькие дети!»

Чайка, услышав это признание Попугая, бросилась к Принцу и сказала: «Милый березовик, прости меня глупую — я буду любить только тебя!»

Они полетели к матери-чайке, и та благословила их на долгую и добрую семейную жизнь. Когда пришла весна, стая чаек опять полетела на север, и у розовой чайки в клюве трепыхался березовый листок. Так Принц и Чайка снова оказались в березовой роще.

Мать-береза была рада и так же пожелала семейного счастья и верности, любви друг к другу.

И с тех пор на берегу озера Кемидов люди часто видели молодого Принца со шпагой в руке и розовую чайку, которая кружилась над ним, иногда садилась на плечо и прижималась головой к его берестяной шляпе, а западный ветер ласково гладил перья чайки.

ББК 53-59
С 29

Фёдор Селянин

ЕГОРУШКИНЫ СКАЗКИ

Иллюстрации Светланы Малышевой
Фото на 1-й и 4-й стр. обложки Сергея Смоленцева
Редактор Станислав Мешавкин
Верстка Анны Костриковой

Издательство «Тезис»
Лицензия ЛР № 063095 от 02.11.93 г.
620146 г. Екатеринбург, пер. Балакинский, 6-2

Оригинал-макет изготовлен в редакции
«Уральский следопыт»

ISBN 5-87799-038-1

Подписано в печать 08.10.98. Формат 60x84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,79.
Тираж 1000. Заказ № 332.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ФГУИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

С $\frac{4803010204 — 001}{9ЭО (03) — 98}$

